

Н. И. АСТРОВЪ

ВОСПОМИНАНІЯ

Томъ первый

Y.M.C.A. PRESS

Paris 1941

Printed in France.

Н. И. Астровъ

Воспоминанія

ПАРИЖЪ

1940

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ

Позабыло, сердце, позабыло,
Многое, что нѣкогда любило.
Только тѣхъ, кого ужъ больше нѣтъ,
Сохранился незабвенный слѣдъ.

И. Бунинъ.

«Воспоминанія» Николая Ивановича Астрова печатаются уже послѣ его смерти, послѣдовавшей 12-го августа 1934 года. Автору не удалось ихъ закончить, и обработанной можно считать лишь первую часть настоящаго тома. Въ третьей части законченной главой является только первая — «Московская Городская Дума». Главы II и III представляютъ лишь первоначальный набросокъ, и текстъ рукописи, оставшейся въ моемъ распоряженіи послѣ кончины Николая Ивановича, далеко не окончательно отдѣланъ.

И тѣмъ не менѣе, я рѣшаюсь напечатать и ихъ, не внося въ нихъ никакихъ измѣненій, добавленій или сокращеній, ввиду того историческаго интереса, который представляютъ, какъ мнѣ кажется, всѣ свидѣтельскія показанія лицъ нашей эпохи и, въ частности, нашего поколѣнія: поколѣнія послѣднихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей с т а р о й Россіи, поколѣнія, пережившаго крушеніе стараго строя, великую европейскую и кровавую гражданскую войну, водвореніе большевистской власти въ Россіи и заканчивающаго теперь свою изгнанническую жизнь въ всѣхъ пяти частяхъ свѣта. Интересъ такихъ показаній увеличивается, конечно, въ связи со значительностью личности свидѣтеля, въ связи съ размѣромъ его кругозора и размахомъ его дѣятельности, а также и въ зависимости отъ объективности и добросовѣстности изложенія.

Въ лицѣ Николая Ивановича Астрова въ большой степени сочетаются всѣ эти необходимыя свойства, какъ въ силу того, что вся его жизнь была отдана общественному служенію и Родинѣ, такъ и вслѣдствіе рѣдкихъ и исключительныхъ духовныхъ и моральныхъ качествъ человѣка.

Незаконченной, оборвавшейся приблизительно на четверти пути, осталась и послѣдняя часть его «Воспоминаній»: «Гражданская война и общественность». Это уже въ полной мѣрѣ потеря невознаграждаемая, ибо никто въ годы гражданской войны на Югѣ Россіи не занималъ такого положенія, какимъ пользовался Николай Ивановичъ Астровъ, какъ по отношенію къ правительству генерала Деникина, такъ и въ средѣ русской общественности. Другого такого «свидѣтеля» у насъ нѣтъ.

Именно въ силу этихъ соображеній я надѣюсь со временемъ напечатать и эту послѣднюю часть «Воспоминаній», которая въ настоящій томъ не вошла. Безъ этихъ главъ біографія Н. И. Астрова, конечно, не полна и его политическая характеристика не закончена.

Но и этими главами не заканчивается жизнь, цѣликомъ отданная Родинѣ и русскимъ людямъ. И на жесткой, бесплодной почвѣ эмигрантскаго существованія умѣлъ Николай Ивановичъ возвращать добрые плоды своего неутомимаго труда и неустанной заботы о матеріальныхъ и духовныхъ нуждахъ своихъ собратій по несчастью. Онъ былъ воплощеніемъ того благородства и достоинства, которые, именно въ несчастіи, поднимаютъ человѣка на такую большую высоту.

«Третейскій судія» во всѣхъ сложныхъ дѣлахъ и недоразумѣніяхъ эмигрантской жизни — вотъ то мѣсто, которое по праву занималъ Николай Ивановичъ во всѣ годы своей изгнаннической жизни. Начавшись въ Константинополѣ, въ 1920 году, этотъ послѣдній этапъ закончился въ Прагѣ, гдѣ онъ прожилъ послѣдніе десять лѣтъ своей жизни и гдѣ похороненъ теперь на русскомъ Ольшанскомъ кладбищѣ, среди многихъ своихъ друзей и соратниковъ.

Онъ зналъ о близости конца, и въ туманный день перваго января 1934 года, — послѣдняго года своей жизни, — онъ написалъ стихотвореніе, которое кончалось слѣдующими строками:

Когда-жъ разсѣются туманы,
Пріютомъ будутъ намъ Ольшаны.
Послѣдній листъ календаря
Оторванъ будетъ безъ меня...

О своемъ дѣтствѣ и юности, о семьѣ своей и о родной своей Москвѣ, Николай Ивановичъ самъ разсказалъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» и мнѣ нечего добавить къ этимъ очаровательнымъ стра-

ницамъ, овѣяннымъ такой нѣжной, такой безпредѣльной любовью.

Объ общественной же своей дѣятельности онъ, по свойственной ему необычайной скромности, сказалъ гораздо меньше того, что было въ дѣйствительности. Пробѣлы эти хотѣлось бы, хоть отчасти, пополнить отзывами и оцѣнками его современниковъ, друзей и соратниковъ на разныхъ поприщахъ его дѣятельности. Однако, по техническимъ условіямъ, это оказалось невозможнымъ въ настоящемъ томѣ и изъ многихъ статей пришлось взять лишь одну:

«Н. И. Астровъ, какъ общественный дѣятель»

Въ видѣ добавленія къ Предисловію, помѣщается списокъ печатныхъ трудовъ, написанныхъ Н. И. Астровымъ за годы эмиграціи.

Въ дни, когда появляется эта книга, Европа пылаетъ, и рушатся міры, но каждая отдѣльная личность не теряетъ отъ этого ни своей цѣнности, ни своего абсолютнаго значенія въ замкнутости своего великаго, трагическаго одиночества.

Больше всего на свѣтѣ Николай Ивановичъ любилъ Россію, ей была отдана вся его жизнь, ради ея блага покинулъ онъ и семью, и родную Москву, тревогами и опасеніями, чаяніями и надеждами относительно ея будущаго были полны его мысли и чувства во всѣ годы его изгнанія. Ими полны были всѣ его публичныя выступленія, всѣ письма, бесѣды и писанія. Я привожу въ заключеніе этого краткаго введенія нѣсколько словъ изъ его рѣчи, произнесенной въ 1925 году въ Прагѣ, въ собраніи посвященномъ памяти князя Г. Е. Львова.

«Уходитъ наше поколѣніе. Уходитъ какъ-то незамѣтно... Уходитъ смущенно.

«Мы потеряли свой родной домъ, нашу родину, нашу Россію... Мы изгнанники. И каждый изъ насъ несетъ въ своемъ сознаніи какую-то долю вины и отвѣтственности.

«Передъ уходомъ въ вѣчность нѣтъ даже утѣшительныхъ знаковъ, обнадеживающихъ знаменій, что Россія воскресаетъ, что съ нея спадаютъ цѣпи рабства. Уходящіе еще не имѣютъ возможности сказать: «Нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко».

«Развѣ это не наказаніе за наши грѣхи вольные и невольные, за содѣянное въ вѣдѣніи и невѣдѣніи?»

«Уходитъ наше поколѣніе. А съ нимъ уходитъ цѣлая эпоха. Это они, уходящіе, и мы, еще пока остающіеся — оказались той человеческой тканью, тѣмъ звеномъ, на которомъ порвалась связь между старой и новой Россіей. Мы оказались именно такимъ промежуточнымъ звеномъ. Это наша историческая судьба. Могла ли она быть иной въ ходѣ историческихъ событій и міровыхъ катастрофъ? Почему исторія избрала тотъ, а не другой путь? Насколько въ этомъ виноваты отдѣльные люди, общество, народъ? Почему однихъ ка-

нонизируютъ и имъ воздвигаютъ мавзолеи, а удѣлъ другихъ — забвеніе или обвинительный приговоръ безъ апелляціи?

«Эти вопросы всегда передъ нами. Они особенно остро встаютъ, когда мы хоронимъ нашихъ близкихъ людей. И чѣмъ больше думаешь объ этихъ вопросахъ, тѣмъ сложнѣе и неразрѣшимѣе кажутся они для насъ, участниковъ событій»...

С. Панина.

Іюнь 1940 г.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ АСТРОВЪ,

какъ общественный дѣятель и москвичъ.

О Николаѣ Ивановичѣ Астровѣ, какъ объ общественномъ дѣятелѣ, вообще нельзя говорить, не вспоминая Москвы, какъ нельзя говорить о Москвѣ нашего поколѣнія, не упоминая имени Николая Ивановича Астрова.

И это такъ понятно. Онъ родился, воспитывался, работалъ всю жизнь въ Москвѣ; онъ дышалъ этимъ своеобразнымъ русскимъ воздухомъ, которымъ пропитана вся исторія ея, и до нашего столѣтія сохранившая что-то отъ Чацкаго, кое-что отъ Фамусова, такъ много отъ «Войны и мира»; онъ жилъ этой нѣжной любовью къ родному городу, такъ ярко выраженной у москвичей, къ его уютнымъ переулкамъ-тупикамъ, къ тихому, занесенному снѣгомъ Замоскворѣчью, къ старой башнѣ Кутафѣ, къ лампадкѣ у Иверской, къ Воробьевымъ горамъ, къ Козихѣ... Трогательно рассказывалъ онъ намъ о маленькихъ церковкахъ, порой такъ нелѣпо приткнувшихся въ углу, кособокихъ и низенькихъ, а тайнахъ Кремля, звонѣ колоколовъ его, о богатствѣ и красотѣ всего, что было связано съ вѣковой исторіей его родного города. Съ какой гордостью онъ говорилъ объ этой исторіи, тщательно подчеркивая непоколебимое мужество, съ которымъ Москва всегда вставала въ защиту всего, что считала своимъ, московскимъ: стѣнъ, уклада жизни, церквей, быта; подчеркивалъ и свободолюбіе Москвы, яркой чертой прошедшее черезъ всю ея жизнь, ту любовь къ свободѣ, которую онъ впиталъ всей своей глубокой натурой, ту любовь, которая въ концѣ концовъ была основой всего его міровоззрѣнія, всѣмъ существомъ его. Ту любовь къ свободѣ, которая называется, совершенно не исчерпывая значенія и смысла ея, иностраннымъ словомъ «либерализмъ» и которая не понятна никому, кромѣ насъ, русскихъ, вкладывающихъ въ нее и мі-

ровую тоску, и стремленіе къ далекому идеалу, и высшую степень жертвенности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, что особенно было свойственно москвичамъ, сохраняя привязанность къ своему углу, къ своей Якиманкѣ, Тверской-Ямской. Не даромъ онъ къ концу жизни своей съ такой страстностью говорилъ о насильникахъ, погубившихъ не только Россію, но и Москву, которую онъ любилъ всѣмъ сердцемъ москвича, видящимъ въ ней средоточіе Россіи. Недаромъ весь его общественный путь былъ такъ тѣсно связанъ съ ней, родной Москвой: мировой судья, секретарь Московской Думы, самъ многолѣтній гласный и лидеръ прогрессивной группы гласныхъ, одинъ изъ создателей Союза Городовъ подъ главенствомъ Москвы, наконецъ — Московскій Городской Голова. И въ далекомъ Екатеринодарѣ, борясь съ большевиками, и въ эмиграціи, въ Прагѣ, онъ не переставалъ быть москвичемъ, унесшимъ съ собой горсть родной земли, и унесшимъ ее мѣ могилу.

Онъ любилъ Москву, но и Москва любила его.

Въ тѣ времена, столь далекія отъ насъ, уже отдѣленные глубокимъ рвомъ исторіи, была единственная область, гдѣ могла въ скромныхъ, правда, формахъ кое-какъ проявляться общественная самодѣятельность, это — земское и городское самоуправленіе. Земства, какъ мы знаемъ, нерѣдко использовали эту возможность, но городскія думы, за немногими исключеніями, чуть ли не до мировой войны и созданія Союза Городовъ, были небольшою кучкой домовладѣльцевъ, ведущихъ городское хозяйство съ точки зрѣнія своихъ личныхъ интересовъ. Москва составляла исключеніе. Въ очень слабой степени, но она заявляла свои права на самоуправленіе и въ ея душѣ сказывалась традиціонная оппозиціонность. Необходима была упорная работа группы прогрессивныхъ гласныхъ, для того чтобы поставить Москву на то мѣсто, которое она должна была занимать въ этомъ отношеніи. И эта колоссальная работа была выполнена главнымъ образомъ Николаемъ Ивановичемъ, въ качествѣ секретаря Думы, гласнаго, лидера группы и Городского Головы. Упорно, но безъ рѣзкостей; постепенно, съ исключительнымъ знаніемъ обстановки, боролся онъ за права Москвы и добился того, что и консервативная часть Думы, въ серьезныя минуты жизни города, вставала на защиту правъ ея. Онъ съ благодарностью возвращалъ Москвѣ благо, которое она давала ему — любовь къ свободѣ.

Но она дала ему и еще другое, также очень цѣнное качество, столь рѣдкое для русскаго политическаго дѣятеля: привычку къ практической дѣятельности и умѣнье наладить и вести дѣловую работу. Самостоятельность Московской Думы, по убѣжденію Николая Ивановича, не должна была выражаться только въ громкихъ постановленіяхъ, но и въ повседневной будничной работѣ, и лучшей рекомендаціей ея должны были служить школы, больницы, трамвай, канализація, водопроводъ, бойни. Умѣнье соединить служеніе дале-